

Европейская интеграция: Учебник / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. 720 с.

Рецензируемая книга, написанная коллективом авторов из МГИМО и Института Европы РАН, представлена как учебник. Мне кажется, что она гораздо больше похожа на учебное пособие. Но, как бы ее ни называть, адресована она прежде всего студентам и аспирантам.

Существующие теории интеграции, именуемые «теориями среднего уровня», для организации материала не годились. Их много, и все они результат радикальной редукции, а слишком ригористическое следование какой-либо одной из них не позволило бы охватить всю необходимую фактуру.

Тем не менее такая запутанная и ускользающая от ясного и рационального понимания фактура, как продолжающийся и «рыскающий» процесс европейской интеграции, может и должна быть организована в рамках какой-то парадигмы или парадигм. Эта книга построена «под зонтиком» нескольких важных тезисов, которые как раз и можно считать подобными парадигмами.

Прежде всего, европейская интеграция рассматривается в книге как вариант интеграционного процесса, идущего во всем мире. Авторы видят в нем «модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира» (с. 18).

Недостаток всех определений интеграции, напоминают авторы, в том, что они не отвечают на вопрос о ее главной цели, о ее стратегической миссии, каковой является именно «создание максимально успешной страты» глобального общества.

Обсуждая адекватность такого подхода, следует иметь в виду, что в евроистеблишменте, направляющем процесс интеграции в регионе, были (и остаются) влиятельные

клики, искренне настроенные эгалитаристски и не преследующие цель сохранить геополитическую супрематию Европы (или «Севера») в мире. Они были (и остаются) озабочены лишь тем, чтобы остановить давно наметившееся геополитическое отступление Европы, не более того.

С другой стороны, можно думать, что их влияние упало и будет падать дальше, а заданная ими эгалитаристская (собственно, «социнтерновская») тенденция начинает выдыхаться, поскольку Азия определенно пошла вверх и грядущая супрематия Китая воспринимается все больше как угроза предстоящего переворота в глобальной геополитической и геоэкономической иерархии. Никто не поверит, что Китай сейчас ориентирован на равенство с Европой, или «Атлантикой», или «Севером», или «первым миром», как его еще недавно называли. Все убеждены, что Китай сам хочет быть наверху. Глобальная нивелировка уровня экономического развития может выглядеть желательной или даже, если угодно, неизбежной в конечном счете. Но в обозримом будущем она кажется все менее реальной: отдельные страны и регионы могут подниматься или опускаться, но мировое сообщество остается и, вероятно, останется стратифицированным. Сейчас нарастает ощущение, что тот, кто не выигрывает конкуренцию, тот ее проигрывает. Чтобы не оказаться внизу, надо оставаться наверху.

Даже эгалитаристски настроенные агентства европейской интеграции сейчас как будто бы вполне отдают себе отчет в этом, и в интегративных дискурсах напоминания о необходимости сохранить конкурентоспособность ЕС в мире становятся все более частыми. То,

что формулировки интегративной стратегии не говорят прямо о необходимости выиграть конкуренцию и сохранить геополитическую супрематию, объясняется (оставляя в стороне остаточные эгалитаристские колебания евроистеблишмента) просто дипломатическими соображениями и атмосферой нынешнего антиимпериалистического *Zeitgeist*'а.

Проблема, таким образом, не в том, чтобы понять подлинные геополитические мотивы интеграции ЕС, а в том, чтобы решить, стоит ли о них говорить открыто или не стоит.

Евроистеблишмент, как мы видим, инстинктивно или, наоборот, продуманно склоняется к тому, чтобы не говорить об этом вслух. Но «посторонние» могут себе это позволить. Впрочем, «академия» как будто бы не очень склонна этим пользоваться. Робость «академии» нуждается в объяснении, но не будем здесь на это отвлекаться. А вместо этого отдадим должное авторам обсуждаемой книги за то, что они эту робость смело преодолевают.

Может быть, дело в том, что они, так сказать, «дважды посторонние». Во-первых, как функционеры «академии». Во-вторых, как представители «российства», остающегося пока (а скорее всего навсегда) за пределами ЕС, а может быть, и вообще за пределами идущих в мире *субглобальных* геополитических консолидаций, если не считать буксующую (и, возможно, обреченную) реконсолидацию на пространстве бывшего СССР. К тому же «российство» еще больше, чем ЕС, опасается сейчас, что проигрывает в геополитической конкуренции, и склонно бить тревогу по поводу того, что кто-то другой ее выигрывает и свое господство будет некорректно использовать. К постоянному страху так никогда и не догнать Запад теперь добавляется боязнь плестись позади Китая, а Китая в России бояться больше всего на свете.

Как нередко бывает, субъективные мотивы российских авторов парадоксальным образом помогают им занять позицию, которая в

нынешних обстоятельствах более объективна, чем позиция магистральной «академии». Язык у них развязан, и они этим пользуются, говоря вслух то, что другие либо скрывают от самих себя, либо лицемерно замалчивают.

Только марксистская (точнее, грамшианская) теория международных отношений (но не европейской интеграции!) трактует глобальную систему как систему господства (точнее, гегемонии), или, как выражаются авторы обсуждаемой книги, «стратифицированное» глобальное общество. Но эта теория вполне периферийна и не перенесена в теорию геополитической (геоэкономической) интеграции. Так что формула, на которой настаивает авторский коллектив, может считаться не только смелой, но и вполне оригинальной. А самое главное — реалистичной и адекватной.

Сделанные оговорки не следует упускать из виду прежде всего потому, что все может еще не раз поменяться. Почти наверняка на следующем историческом витке ориентация на победу у «пробудившихся экономик» ослабнет, и тогда придет час всеобщей «социнтерновской» нивелировки. Но пока этого не произошло. Явно увлеченный своими успехами Китай весьма далек и даже, может быть, все еще удаляется от «социнтерновского» консенсуса. Поэтому предложение видеть в интеграции прежде всего инструмент геополитической конкуренции разумно и продуктивно. И не только как проявление вполне уместной геополитической бдительности. Оно позволяет лучше понять все зигзаги европейской интеграции — прошлые, настоящие и ближайшие будущие.

Вероятно, ожидается, что исходная интерпретация европейской интеграции как сознательно ориентированной на успех в геополитической (геоэкономической) конкуренции (как бы такой успех ни измерялся) должна отразиться на всей грамматике и стилистике последующего описания этой интеграции.

Так ли это в данном случае, судить трудно, потому что для этого нужно очень внимательно сопоставить книгу с иными описаниями той же самой фактуры.

При простом чтении следы исходного тезиса книги в дальнейшем тексте не бросаются в глаза. Это можно было бы поставить в упрек авторам. Не ясно, впрочем, насколько такой упрек был бы оправдан. Далеко не всякий важный тезис имеет ярко выраженные дискурсивные импликации. Но тем важнее он в качестве инструкции читателю книги, так как одна и та же фактура может быть прочитана по-разному с помощью разной оптики. Поэтому если авторов и можно в чем-то упрекнуть, то только в том, что они недостаточно оркестровали свой важный тезис именно риторически.

Отчасти это компенсируется тем, что на структуре книги ее исходный тезис отразился заметным образом. Почти половину книги занимают три ее больших раздела: «ЕС в системе международных отношений», «Сотрудничество России и ЕС», «Интеграционные процессы в Большой Европе». Мне кажется, что если бы не исходная концепция книги, этих глав вообще могло бы не быть. Во всяком случае, они были бы значительно короче. Следствием такого подхода являются и обильные сопоставления европейской интеграции с другими модулями субглобальных интеграций в мире, что также выгодно отличает обсуждаемую книгу от многих других книг на ту же тему.

Вторая исходная позиция, определяющая отбор и организацию материалов, сводится к формуле: «Залог успеха ЕС — переговоры и компромиссы» (с. 20). Педалирование этой стороны дела вполне уместно, поскольку значительная часть переговоров и компромиссов, а также медленное поступательное развитие и институционализация интеграции обусловлены именно самоутвердительными (пусть и необъявленными) целями главных

агентур интеграции. На ее ускорении и углублении настаивают именно агентуры, проектирующие ЕС как «силу», «гегемона» или «верхнюю страту» в терминах книги. А другие агентуры им сопротивляются — инстинктивно и имплицитно, может быть.

Помимо этого одобрение конструктивного оппортунизма агентур европейской интеграции особенно уместно в книге, адресованной русскому читателю, прежде всего студентам, готовящимся к работе на дипломатическом поприще. Ведь именно переговоры и компромиссы были слабо развитой практикой в российско-советской культуре, и к ним надо привыкать, а для начала хотя бы просто их уважать.

Следы данного тезиса просматриваются в книге достаточно хорошо. Отчасти благодаря фактуре, которая сама по себе гораздо более прозрачна и выразительна в этом плане, чем в плане агрессивно-конкурентной геополитической стратегии ответственных агентов интеграции. Отчасти же благодаря усилиям авторов, не забывающих о важности исторической компоненты при описании почти каждого учреждения, каждой практики и политической повестки дня ЕС. Книга хорошо отражает механику исторического движения Евросоюза: эксперимент — актуализация противоречий — их устранение — появление новых противоречий — эксперимент и так далее по кругу.

Еще один тезис, решающий для интонации и композиции книги, выглядит так: «Полицентрическая структура является ключевой предпосылкой для создания в группировке наднациональных органов власти» (с. 25). Авторы совершенно справедливо напоминают, что интеграцию начинали страны примерно одного размера (сперва Франция — Германия — Италия, к которым позднее присоединились Великобритания и Испания) и что в этом особенность европейского интеграционного процесса. В других регионах подобного баланса нет.

Это очень важное наблюдение. Оно не часто (если только вообще) встречается в литературе о европейской интеграции. В свое время Джон Стюарт Милль считал правильным баланс участников залогом успешности федераций. Но позднее об этом почти перестали задумываться. Между тем задним числом можно считать, что именно отсутствие такого баланса сперва выхолостило номинальную федеративность СССР, а потом и подорвало его единство. Так что в русской книге о европейской интеграции возрождение интереса к этой стороне дела очень даже уместно.

Я выбрал для обсуждения то, что кажется мне самым принципиальным в книге, определяющим ее структуру, содержание и стилистику — и как тематической монографии, и как учебного пособия. Но коль скоро она объявлена «учебником», нужно что-то сказать о ней и в этом плане.

Мне это сделать трудно, поскольку я не педагог и даже не практикующий преподаватель. Мне не приходится иметь дело со студентами, а тут решающее слово за ними. Я могу только сам занять позицию студента и высказать пару осторожных замечаний.

Методические достоинства книги как материала для последующего экзаминирования не совсем очевидны. Запомнить всю массу материала невозможно, а вопросы в конце каждой главы не всегда помогают читателю увидеть главное, вокруг чего можно строить сокращенные варианты текста, удобные для устного обобщенного изложения. Если этот лекционный (или семинарский) курс заканчивается экзаменом, хотелось бы посмотреть, как выглядят экзаменационные билеты.

Но познавательные достоинства книги как учебного пособия бесспорны. Это надежное экспертное описание сложного объекта, совершенно на самом деле непонятного обыденному сознанию, включая сознание многих его собственных функционеров, о чем не устают напоминать саркастически настроенные евроскептики и о чем постоянно сожалеют нервные еврофилы. Материал для книги корректно отобран, прекрасно сгруппирован, и в нем нетрудно ориентироваться даже в отсутствие предметного указателя, который, впрочем, именно по этой причине, пожалуй, и не нужен. ■

АЛЕКСАНДР КУСТАРЁВ

Mao's Invisible Hand: The Political Foundations of Adaptive Governance in China / S. Heilmann, E. J. Perry (eds). Harvard Univ. Asia Center, 2011. 320 p.

«Невидимая рука Мао» – из тех книг, которые пробуждают уважение к ученым. В ней описываются внутренние механизмы китайского коммунистического общества, которые практически неизвестны за пределами круга экспертов, занимающихся Китаем. Более того, эта книга может удивить даже специалистов и является увлекательным чтением для тех, кто просто интересуется Китаем. Свою основную задачу авторы видят в том, чтобы объяснить, почему Китай не распался, как другие коммунистические государства. Однако при этом они не пытаются подогнать свое описание под некоторый шаблон и навязать китайским реалиям логику, в которую они на самом деле не вписываются.

Главный тезис, который выдвигают известные специалисты по китайской политике Себастьян Хайльман из Трирского университета и Элизабет Перри из Гарварда, относится к способности китайского коммунистического режима к адаптации. Хайльман и Перри напоминают о том, что после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году многие китайцы, занимавшиеся современным Китаем, пророчили Китайской Народной Республике скорый крах; и сейчас кое-кто утверждает, что развитие рыночных отношений неизбежно приведет к формированию гражданского общества и даже становлению некоторой формы демократии. Между тем, по мнению китайского руководства, такие прогнозы заставляют вспомнить предупреждение Ленина, которое

приводит один из соавторов книги: в 1902 году Ленин писал, что партия должна «бороться со стихийностью», ибо стихийное движение масс может привести «к идейному порабощению рабочих буржуазией».

В первой главе Перри и Хайльман утверждают, что постмаоистский режим «все более и более искусно решает разнообразные сложные задачи, справляясь и с передачей власти, и с народными волнениями, и с административной реформой, и с правовыми институтами, и даже с интеграцией в глобальную экономику». При этом нигде в книге нет указаний на то, что редакторы и их коллеги одобряют стратегию режима: их цель состоит в том, чтобы показать, как она эволюционировала и как работает в настоящее время.

Они констатируют, что «живучесть» режима наблюдается «*вплоть до настоящего момента*» и что у нее есть крайне негативные аспекты: коррупция, разрушение окружающей среды, отсутствие гражданских свобод. Уточнение «*вплоть до настоящего момента*» часто встречается в изданиях, основанных на материалах конференций; обычно это означает, что речь идет о положении дел за несколько лет до того. Сегодня ситуация с гражданскими свободами в Китае еще хуже: лауреат Нобелевской премии мира Лю Сяобо находится за решеткой, многие его сторонники и адвокаты-правозащитники задержаны; художник Ай Вэйвэй был арестован в 2011-м, освобожден через восемьдесят один день, и в настоящее время его почти не слышно. Это только два примера репрессий против диссидентов, отнюдь не призывающих к насилию. Чэнь Гуанчэн добрался до Нью-Йоркского университета, но его жена и единомышленники подвергались жестким мерам воздействия.

ПЕРЕВОД РЕЦЕНЗИИ ДЖОНАТАНА МИРСКИ (JONATHAN MIRSKY) "CHINA: POLITICS AS WARFARE", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (VOL. 59, NO. 11, JUNE 21, 2012) © 2012, THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (DISTRIBUTED BY THE NEW YORK TIMES SYNDICATE). ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE NEW YORK TIMES SYNDICATE И THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS

Авторы статей и редакторы книги согласны в том, что, несмотря на неоднократные модификации, преемники Мао в целом сохранили характерный для маоистов подход к выстраиванию политического курса, суть которого — в непрерывных изменениях, управлении конфликтами, постоянном экспериментировании и ситуативном решении возникающих проблем. Редакторы настаивают на том, что подобное развитие управленческих процессов возникло относительно недавно и на сегодняшний день для него нет удовлетворительного объяснения ни в рамках политологии, ни в рамках теорий модернизации. Новейшая история Китая представляет собой парадокс для тех, кто убежден, что отклонение от бытующих ныне стандартных представлений о прогрессе (а именно, что экономическое развитие влечет за собой формирование более открытого общества) неминуемо ведет к краху. По мнению некоторых авторов книги, маоистская стратегия зародилась еще в тот тридцатилетний период (с начала 1930-х годов), когда [коммунистическую] партию вытеснили из городов в сельскую местность и состоялся Великий поход (1934—1935) с юга на север Китая с последующим (1936) созданием партизанского штаба в Яньани.

Целью этой стратегии было выжить в самых бедных внутренних районах Китая, а важным средством была импровизация. Авторы книги «Невидимая рука Мао» утверждают, что постмаоистские лидеры Китая, прежде всего такие, как Дэн Сяопин, которые сохранили в памяти самый тяжелый период до революции 1949 года, сходным образом использовали новые идеи и методы для достижения целей, которые сам Мао осудил бы — особенно в том, что касается реформ экономики, — но которые вместе с тем отражают его собственный, непредсказуемый и экспериментальный подход.

Родерик МакФаркар называет такой подход «управлением по-партизански», и этот термин используется также и в других материалах сборника. Именно так действовал Мао на протяжении всей своей карьеры, в том числе и долгие годы после победы коммунистов в 1949-м. Иногда это приводило к катастрофическим последствиям (например, «Большой скачок» в 1958—1961 годах стал причиной самого страшного голода в китайской, а может быть, и в мировой истории), но этот подход «оказался весьма эффективным, когда наследники Мао применили его к экономической модернизации». Создатели книги указывают, что маоистские элементы «дали толчок децентрализованной инициативе в рамках централизованной политической власти...»¹.

Редакторы подчеркивают, что для понимания подобного рода «партизанской политики», в некоторых случаях катастрофической, но иногда вполне успешной, необходимо обращать внимание прежде всего на ее устойчивость и адаптивность. Устойчивость означает способность амортизировать удар в условиях кризиса, а адаптивность — умение действовать инициативно (*proactive*) или реактивно, а также «переваривать» (*digest*) происходящие события. Еще одним важным компонентом здесь является готовность испробовать что-то новое и, таким образом, воспользоваться вновь возникшими вызовами и открывающимися возможностями. При этом в резерве у наследников Мао всегда остается достаточно власти, чтобы подавлять тех, кто пытается отклониться от «командных высот» в плане приоритетов и (аппаратной) управленческой иерархии.

Редакторы и большинство авторов статей признают, что «вопиющее и нарастающее социальное и территориальное неравенство», которым сопровождается партизанский стиль управления, «несомненно, разрушило бы менее прочный или менее

гибкий режим». Кроме того, они описывают масштабные потрясения, в частности сотни восстаний весной 1989 года, которые были жестоко подавлены. Десятки лет назад, когда «Мао и его соратники» столкнулись с гражданской войной, японской оккупацией и расколом в руководстве партии, они «пришли к выводу, что умение маневрировать важнее стабильности», однако я бы добавил, что руководители Китая неизменно ставят себе в заслугу именно сохранение стабильности, какие бы изменения они ни осуществляли.

Ближайшие соратники Мао, в том числе Дэн Сяопин и Ху Яобан, переняли «стиль работы» председателя, который редакторы охарактеризовали (на мой взгляд — блестяще) как «секретность, гибкость, быстрота и неожиданность», одним словом, политика как ведение боевых действий. Руководители Китая внимательно следят за тем, чтобы за ними сохранялось право принимать решения относительно политической стратегии и общей направленности развития экономики, но вместе с тем они поощряют местную инициативу — до тех пор, пока та не приводит к нежелательным результатам или слишком отклоняется от заданного маршрута. В этом случае все договоренности могут быть аннулированы или заново пересмотрены. Партизанский стиль предполагает максимизацию возможностей выбора и предложения инициатив для лидеров и «в то же время минимизацию или полное устранение влияния оппонентов на ход событий». Вопреки мнению большинства сведущих людей, включая меня, именно этот стиль позволил Дэну и его сторонникам, когда они отправили в отставку в 1989 году своего высокопоставленного многолетнего соратника Чжао Цзяяна, не только пережить события на площади Тяньаньмэнь, но и сделать свой режим более прочным и успешным, чем когда-либо (в частности, как показано в книге, откупившись от некоторых наиболее жестких критиков режима).

Перри и Хайльман определяют такой политический стиль как «принципиально диктаторский, оппортунистический и беспощадный». Прочитав эту книгу, многие академические исследователи модернизации поневоле придут к выводу, который многих может разочаровать или даже повергнуть в уныние. «Адаптационная способность недемократической политической системы Китая представляет радикальную альтернативу мягкой модели управления, которую одобряют многие западные социологи, воспринимающие политическую стабильность и экономическое превосходство капиталистических демократий как должное... [Этим социологам необходимо] трезво оценить причины восприимчивости к инновациям, которую демонстрируют недемократические соперники, в частности Китай».

Вместе с тем эта способность, отмечают редакторы, может нанести ущерб и оказаться опасной для значительной части населения Китая.

Пытаясь найти истоки экспериментального метода маоистов, авторы сборника, как это ни поразительно (во всяком случае, для меня), добрались до Джона Дьюи, лекции которого посещал Мао. Они пишут об интересе, который Мао проявлял к сельскому здравоохранению, о том, как функционировали неофициальные или общественные организации, как применялись законы и использовалась пресса, а также о методах работы местной администрации. В каждом случае мы видим два процесса: на местах или, по крайней мере, в нецентральных органах что-то пробуют, в центре за этим наблюдают или в итоге обращают на это серьезное внимание; затем центральные органы берут инициативу на себя и используют или адаптируют некоторые пришедшие снизу идеи и начинания, отсекая при этом остальное.

По мнению Хайльмана, стратегия, которую маоисты называют «распространение

положительного опыта», означает, что подерживаемая центром местная инициатива может стать «показательным опытом», а затем и национальной политикой. Такой алгоритм появился еще в 1928 году, в те времена, когда коммунистические силы были активны в сельской местности, и задолго до того, как Мао занял высший партийный пост. «В целом, — пишет Хайльман, — главной особенностью маоистского подхода к формированию политики еще с революционных времен было экспериментирование».

Возможно, начинал эти эксперименты другой член партии, Дэн Цзыхуэй, разъяснявший местным жителям идеи земельной реформы. Его выводы произвели на Мао, работавшего в другом месте, большое впечатление (хотя в 1955-м он критиковал, как ему это было свойственно, сельские эксперименты Дэна как «правый оппортунизм»). После того как в 1936 году остатки партии укрепились в Яньани, местные партийные активисты в «базовом районе» на некотором расстоянии от Яньани получили задание стать «героями труда», экспериментируя с земельной реформой. Одним из руководителей этих экспериментов был Дэн Сяопин, и Хайльман предполагает, что «активное экспериментирование... могло оказать большое влияние на его подход к формированию политики на более поздних этапах политической карьеры». Мао заявил бы, что такое экспериментирование «гораздо ближе к реальности и богаче, чем указания и директивы, издаваемые нашими руководящими органами», и что оно, как пишет Хайльман, «должно стать противоядием против тенденций к командному стилю руководства (*"commandism"*) в партии».

Это утверждение, на мой взгляд, звучит странно, если вспомнить о репрессиях, которые устраивал Мао на ранних этапах своей карьеры в отношении тех, кто осмеливался бросить ему вызов². Более того, основной принцип партии — ликвидировать своих

врагов — он передал в качестве оружия всем своим преемникам. Представление о том, что врагов, в том числе и членов партии, необходимо уничтожать, появилось еще в 1930-м, когда Мао, тогда будучи еще только старшим членом партии, начал «антибольшевистскую» кампанию, в ходе которой было уничтожено несколько тысяч партийцев, которых он считал «объективно контрреволюционными». После 1949 года репрессии лишь усилились.

Подобная жестокость была свойственна и Дэн Сяопину, который в 1957-м, на посту генерального секретаря КПК, руководил кампанией «против правых», в ходе которой под чистку попали сотни тысяч человек, а в 1989 году отправил во внутреннюю ссылку генерального секретаря партии Чжао Цзыяна и санкционировал убийства на площади Тяньаньмэнь. В 2010-м преемники Дэна сочли лауреата Нобелевской премии мира Лю Сяобо, призывавшего к абсолютно ненасильственным действиям, опасным для своего режима и даже с некоторым успехом угрожали иностранным послам, приглашенным в Осло на церемонию вручения премии Лю (заочно), причем несколько человек действительно отказались от присутствия на церемонии³. Это как раз было не экспериментирование, а паранойя и преследования, свойственные маоистам.

Даже не прибегая к насилию, отмечает Хайльман, «партийный центр всегда сохранял за собой и регулярно использовал право отменять эксперименты на местах или превращать их в общенациональные модели». Кроме того, к 1950-м годам под напором директив из центра и позже, особенно во время злополучного «Большого скачка» и десятилетия «культурной революции» в период между 1966 и 1976-м, масштабы экспериментаторства сократились. После смерти Мао в 1976 году экспериментирование — под неусыпным контролем центральных органов — вновь обрело поддержку на высшем уровне.

Идею обучения на результатах экспериментов на местах истории КПК приписывают председателю Мао, однако Хайльман утверждает, что это не так. Он считает, что эта концепция восходит к философии прагматизма Джона Дьюи и прежде всего к его тезису о «целенаправленном ожидании вместо... слепого метода проб и ошибок»; в Китае эта теория имела большое влияние. Мао слушал лекцию Дьюи в 1920 году, прочитал одну из его книг, и она продавалась в книжном магазине, который он открыл в том же году. Концепции Дьюи привлекли внимание китайских мыслителей, придерживающихся широких взглядов, таких как Ху Ши и выпускник Йельского университета Джеймс Йен, чьи идеи повлияли на коммунистические планы по выбору сельских районов для «интенсивных и экстремальных экспериментов».

В своей главе о перспективах гражданского общества в Китае Нара Диллон из Гарвардского университета пишет о сотнях тысяч китайских «общественных объединений, некоммерческих структур и других типов организаций», таких как благотворительные, торговые ассоциации, научные сообщества и организации по совместному проведению досуга, упоминая в том числе, например, Китайское шекспировское общество. Диллон сразу же делает следующее замечание: «Однако действительно независимых от государства вновь созданных общественных объединений и некоммерческих организаций в Китае очень мало (если таковые вообще имеются), и считать их гражданским обществом, наверно, преждевременно. Многие задаются вопросом, есть ли вообще в Китае что-либо напоминающее гражданское общество».

Диллон пишет, что в республиканский период, в конце двадцатых и начале тридцатых годов, в Китае существовало множество добровольных объединений, но их деятель-

ность была ограничена многочисленными предписаниями. Относительную свободу они получили в период Объединенного фронта во время войны против японских захватчиков. После победы коммунистов в 1949 году добровольные объединения подверглись серии «антикоррупционных» кампаний. В течение некоторого времени «существовали только организации, поддерживаемые государством, такие как официальный профсоюз и Красный Крест». В девяностые годы отношение к общественным организациям стало более спокойным, что привело к их широкому распространению, а за их деятельностью всегда внимательно наблюдали чиновники из центра.

Такие организации — часть иерархической системы, место в которой определяется степенью одобрения со стороны государства. На самом веру иерархической системы располагаются женские федерации, молодежные лиги и профсоюзы. Всегда находящиеся под подозрением религиозные объединения помещаются ступенькой ниже, и контролируют их строже, нежели организации первой категории. Наконец, существует большое количество неформальных и потенциально нелегальных групп. Недавно человек был заключен в тюрьму за попытку организовать групповой протест против некачественного сухого молока, которое стало причиной заболевания многих тысяч детей, и было даже несколько случаев со смертельным исходом. Кроме того, под наблюдение попали сотни людей, подписавших манифест «Хартия-08» с требованием основных демократических свобод (а в некоторых случаях даже имели место задержания и допросы); Лю Сяобо за это приговорили к одиннадцати годам лишения свободы.

На самом деле, продолжает Диллон, новые правила, установленные после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, в том числе роспуск даже Китайского шекспиров-

ского общества, «свидетельствуют о том, что одна из целей Коммунистической партии Китая — не допустить превращения сектора общественных организаций в гражданское общество, а затем в силу, выступающую за дальнейшие политические реформы». Не очень убедительно, боюсь, звучит ее предположение, что «даже если демократического гражданского общества не видно на горизонте», у общественных организаций есть «потенциал, способный привести к более фундаментальным переменам». В отличной в остальном главе подобная надежда в 2012 году выглядит беспочвенной (например, недавно КПК предупредила, что «независимые» не смогут принимать участие в местных выборах⁴).

Сотрудник факультета права Колумбийского университета Бенджамин Либман в своей главе о популистском следовании закону с самого начала заявляет, что «правовые реформы не наложили серьезных ограничений на партийное государство». В 2012-м доказательств этому более чем достаточно. Правовые реформы, продолжает Либман, служат для реализации государственной политики, а не для ограничения полномочий государства и защиты прав и интересов личности. Тем не менее сфера административного права, регламентирующего действия государственных органов, все же расширяется, хотя, добавляет Либман, эти законы применяются мало. Тому, кто хочет добиться справедливости, поясняет он, «следует подходить к проблеме стратегически и решать ее в рамках партийного государства».

Некоторый оптимизм усматривается в предположении Либмана, что экспериментирование в правовой сфере «может привести к созданию более прочных правовых институтов», — но оно может также выливаться и в «произвольное применение закона, что часто и происходит в Китае». Вторя предупреждению, прозвучавшему в предисловии Перри

и Хайльмана и адресованному ведущим ученым, Либман в своей главе показывает, что «правовые реформы в Китае приводят в замешательство как тех, кто утверждает, что существенная [правовая] реформа неизбежно создаст политические проблемы для государства, так и тех, кто полагает, что партийное государство не воспринимает такие реформы всерьез и считает их лишь инструментом для реализации своей политики».

Хотя Либман прав в том, что правовая реформа способствовала экономическому развитию, например улучшив условия для ведения торговли и предпринимательства, его утверждение, что, поскольку «формальные полномочия судов весьма ограничены», современная китайская правовая система является гибкой, неформальной и реагирует на общественное мнение, вызывает недоумение. К тому же он сам пишет, что желающие добиться справедливости находят ее не в суде, а, если это в принципе возможно, где-то в недрах партийного государства. Вряд ли такую систему можно назвать правовой⁵. Стэнли Любман, сотрудник юридического факультета в Беркли, недавно написал следующее: «Было бы ошибкой считать правовые институты Китая правовой системой. Правовые институты в Китае, особенно уголовное право, — это часть политической системы, которая в конечном счете и определяет их функционирование и использование. В сущности, они исходят из доминирующего представления, что закон должен применяться для того, чтобы сохранить власть КПК».

Газета *New York Times* недавно писала: «Также растет озабоченность тем, что кумовство и привилегии, взращенные на самом верху системы, распространяются вниз, проникая на все уровни бюрократической власти в Китае. “Через некоторое время вы понимаете: ого, да ведь тут множество князьков, — говорит специалист по Китаю Виктор Ши, научный сотрудник Северо-Западного уни-

верситета (недалеко от Чикаго), используя слово, которым обозначают отпрысков партийных руководителей. — Это дети нынешних чиновников, дети бывших чиновников, дети местных чиновников, центральных чиновников, военных чиновников, полицейских чиновников. Речь идет о сотнях тысяч людей, и все они пытаются использовать связи, для того чтобы делать деньги»⁶.

Юэчжи Чжао, которая преподает в университете им. Саймона Фрейзера, включила в свою главу о средствах массовой информации историю о том, как вышедшие на пенсию высокопоставленные революционеры используют прессу, радио, телевидение и интернет для суровой критики КПК за отказ от маоистских идеалов. В 2007 году один сайт был временно закрыт после того, как на нем разместили «открытое письмо семнадцати бывших должностных лиц... и ученых-марксистов, которые обвинили КПК в том, что ее политика является насмешкой над марксизмом и что она ведет страну по дороге зла». Не следует недооценивать «репрессивный и жесткий характер рыночного авторитаризма КПК», — предупреждает Чжао, и не следует также «преувеличивать значение (не говоря уже об идеализации демократической природы) того, что описывают как развертывание “второй культурной революции” под предводительством интернета». Суть этой главы Чжао кратко сформулировала в следующем предложении: «Сохранение ленинского принципа поддержания дисциплины в средствах массовой информации на фоне быстрой коммерциализации способствует тому, что, как и прежде, СМИ подчиняются идеологическим целям КПК».

Особенно наглядно это проявилось на примере Ху Яобана, относительно умеренного давнего соратника председателя Мао. В 1987-м он был смещен с поста генерального секретаря КПК за его относительную умеренность, а его смерть в 1989 году повлекла

за собой события на площади Тяньаньмэнь. В 1985-м, за два года до своей отставки, Ху заявил (в формулировке Чжао), что «рупоры КПК [то есть средства массовой информации] являются, “разумеется”, и рупорами правительства и народа». Ху сказал следующее: «Независимо от того, как они [другие отрасли] будут реформироваться... совершенно невозможно изменить хотя бы на йоту характер партийной журналистики и ее отношения с партией».

Я помню то, что, должно быть, стало одним из самых ужасных кошмаров для партии, когда в мае 1989 года сотрудники официальной газеты «Жэньминь жибао» и их коллеги вышли на площадь Тяньаньмэнь с огромной растяжкой, на которой было написано: «Довольно лжи!»

Трудно представить себе что-либо более мрачное и, к сожалению, более точное, чем выводы специалиста из Оксфорда Патриции Торнтон в главе «Модернизация стального каркаса», посвященной механизмам, с помощью которых КПК сохраняет свою власть. В «Невидимой руке Мао» убедительно и исчерпывающим образом показано, как — со времен Мао — КПК этого достигает, позволяя экспериментировать, но никогда не выпуская бразды правления. Вспоминая предупреждение Ленина о том, что партия должна «бороться со стихийностью», Торнтон утверждает, что и впрямь «удивительно», как быстро партийно-государственной аппарат сумел перенаправить энергию, выплеснувшуюся на площади Тяньаньмэнь, на модернизацию экономики. К чему это привело? — спрашивает Торнтон. Как и Зигмунт Бауман, она видит здесь «море подавленных тревог, серьезных личных неудач и стремлений, выполняющих роль смазки в механизме глобального капитализма».

За цветистыми речами об экономических успехах проглядывает невидимая рука Мао, источника вдохновения и оправдания для

тех, кто в июне 1989 года санкционировал убийства студентов и рабочих, осмелившихся кричать «Долой партию!», «Долой Дэн Сяопина!» на площади Тяньаньмэнь. Как это часто случалось в истории КПК, «пекинская

весна» стала экспериментом, имевшим роковые последствия, и об этом следует помнить, когда речь заходит об экспериментах в рамках партийного государства. ■

ДЖОНАТАН МИРСКИ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Перри много пишет об этом в своей главе «Шестьдесят — это снова сорок» в книге «60 лет Китайской Народной Республике: Международная оценка» (*Perry E. Sixty Is the New Forty // The People's Republic of China at 60: An International Assessment / W. C. Kirby (ed.). Harvard Univ. Asia Center, 2011).*

² Эти репрессии шли по нарастающей с первых же лет правления Мао. См.: *Mühlhahn K. Turning Rubbish Into Something Useful // The People's Republic of China at 60.*

³ *Link P. At the Nobel Ceremony: Liu Xiaobo's Empty Chair // NYRblog. Dec. 13, 2010.*

⁴ См.: *Buckley Ch., Martina M. China Warns*

“Independents” Challenging Party-Run Legislatures // Reuters. 2011. June 9.

⁵ Подробное исследование о том, как заставляют молчать китайских адвокатов по правам человека, см.: *Cohen J. A. Turning a Deaf Ear // South China Morning Post. 2011. June 7.* Об отходе от ранних правовых реформ см.: *Yew-kim O. Ruling With an Iron Fist // South China Morning Post. 2011. June 10.*

⁶ *Barboza D., LaFraniere Sh. “Princelings” in China Use Family Ties To Gain Riches // The New York Times. 2012. May 12 (http://www.nytimes.com/2012/05/18/world/asia/china-princelings-using-family-ties-to-gain-riches.html?_r=1&pagewanted=all).*

Джон Кампфнер. Свобода на продажу: Как мы разбогатели — и лишились независимости. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 414 с.

Джон Кампфнер — известный британский журналист, родившийся в Сингапуре, а с середины восьмидесятых работавший в Москве и Берлине корреспондентом *Reuters* и *Daily Telegraph*, сотрудничавший с *Financial Times* и *BBC* и позже в течение трех лет возглавлявший левый (сравнительно) британский политический еженедельник *New Statesman*. Сейчас Кампфнер занимает пост главного редактора журнала *Index on Censorship* («Досье на цензуру»), издаваемого одноименной организацией с 1972 года. Кроме того, Кампфнер — автор нескольких книг, посвященных британской и российской политике. «Свобода на продажу» — четвертая и, видимо, самая успешная его книга,

посвящена критике возобладавшей на десятилетия концепции, согласно которой, как пишет автор, «политическая и личная свобода, как и гражданские права, тесно связаны с демократией, а демократия, в свою очередь, со свободным рынком. Их соединение является условием не только взаимного процветания, но и просто функционирования».

Книга Кампфнера — не теоретическая монография. Историк по образованию и журналист по профессии, Кампфнер пишет для очень широкого читателя, который, возможно, и не читал «Дорогу к рабству»¹, но много раз слышал из уст политиков и телевизионных говорящих голов о том, что подлинное экономическое процветание вне либераль-

ной демократии — оксюморон. Однако тот же читатель часто, а в последние годы чуть ли не ежедневно читает, скажем, все более алармистские статьи и целые книги о грядущей гегемонии Китая, политическая система которого при всей своей сложности является однопартийной от демократии чрезвычайно далека. Тот же читатель знает, что в результате обвала 2008 года западные правительства вынуждены были обращаться за помощью к суверенным фондам других стран, не входящих в число демократических, но сумевших построить за последние примерно двадцать лет в разной степени стабильные экономические и социальные системы.

Возникающий у такого читателя/телезрителя когнитивный диссонанс Кампфнер не снимает, оставляя это авторам более академичным. Однако он проделывает не менее важную работу, которая заключается в четкой и ясной постановке проблемы: «капитализм вышел за пределы Запада и с успехом приспособился к решению новых задач. Он оказался весьма гибким средством достижения изобилия. Авторитарный капитализм превратился в серьезного соперника. Рынок был отделен от демократии». Разумеется, вопрос о том, почему так произошло — далеко не единственный из тех, что волнуют Кампфнера. Так, не в меньшей степени его интересует, почему все больше людей в самых разных странах — не только в Сингапуре, Китае и России, но также и в Италии, Великобритании и США — готовы поступиться политическими и гражданскими свободами в обмен на процветание и безопасность, а иногда и просто обещание таковых.

Новый авторитаризм заключает, по мнению Кампфнера, пакт с гражданами, смысл которого состоит в том, что государство обеспечивает людям возможность зарабатывать деньги, а «репрессии избирательны и распространяются только на тех, кто открыто посягает на статус-кво. <...> Остальное насе-

ление может наслаждаться свободой передвижения, жить более или менее в соответствии со своими желаниями, зарабатывать и тратить деньги». Рассмотрение конкретных экспликаций этой модели автор начинает со своей родины, Сингапура; затем переходит к Китаю, от него к России и ОАЭ. Сингапур действительно, как Кампфнер о том и пишет, представляет собой идеальный объект для подтверждения мысли автора. Никаких особенных проблем не вызывает и Китай. Но уже при переходе к России, которую Кампфнер знает и понимает действительно хорошо, — он не только изучал русский (еще в университете) и много лет работал в Москве, но и написал в свое время книгу «Ельцинская Россия изнутри: коррупция, конфликты, капитализм»², — авторская концепция начинает не то чтобы пробуксовывать, — но обнаруживается некоторая ее ригидность и недостаточность. В еще большей степени это относится к главе об ОАЭ. Нельзя сказать, чтобы Кампфнер этого не понимал. Он расширяет и перестраивает свою начальную схему по ходу книги, приглашая читателя к совместному размышлению.

При переходе к следующим четырем главам, посвященным Индии, Италии, Великобритании и США, в сравнительно простое, условно говоря, сингапурское уравнение, описывающее отказ от политических и гражданских свобод в обмен на процветание, автору приходится вводить всё новые переменные — разочарование граждан в традиционных политических институтах представительной демократии (и прежде всего в партийной системе); наметившийся, кажется, переход к демократии участия — то есть смещение центра тяжести от партий к общественным организациям; медиакратия, особенно важная для главы, посвященной Италии, — и, наконец, «безопасность». Последняя оказывается, по Кампфнеру, ключевым параметром для про-

цессов, происходящих в Великобритании Тони Блэра и США Джорджа Буша-младшего. Речь идет, разумеется, не только об американской войне с терроризмом, но и, например, о системе тотальной слежки за гражданами, с их же собственного молчаливого согласия вошедшей в британскую повседневность.

Упомянутое «молчаливое согласие» — та самая категория, которую единомышленники Кампфнера и из либерального, и из левого лагерей, также сетующие на снижение уровня свободы в традиционных демократиях, часто не замечают — или предпочитают не замечать. Однако автор «Свободы на продажу» оказывается слишком добросовестным наблюдателем, чтобы объявить виновниками происходящего неоконгов, лейбористов, китайских коммунистов или «путинское политбюро». Если в действительно авторитарных странах новый средний класс чем-то рискует, выходя за рамки дозволенного и вторгаясь в область не одобряемой властями политической активности, то в Индии и тем более, например, в Британии изоляция в частном пространстве — свободный выбор нового поколения. Впрочем, Кампфнер удерживается от того, чтобы занять обвинительную позицию по отношению к большинству: он недоумевает, пытается понять, задает всё новые вопросы — но не обвиняет.

Одно из наиболее важных — и одновременно спорных его соображений — связь консюмеризма и экономического процветания с эрозией гражданских свобод. На протяжении всего текста автор постоянно напоминает нам об этой связи, даже именуя свободу потребления «мозговой анестезией». Повсеместное распространение свободного рынка, таким образом, оказывается для него *причиной* деградации традиционной либеральной демократии. «После того», однако, не означает «вследствие того» — и тут самое

время напомнить, что «Свобода на продажу», как и любой текст, является продуктом исторического момента: книга описывает вполне конкретный период, в основном до кризиса 2008 года (незначительные более поздние дополнения не меняют общей картины). Иными словами, вполне возможно, что мы имеем дело с некоторой аберрацией близости — впрочем, неизбежной для выбранного автором жанра.

В итоге оказывается, что автор существенно перевыполняет обещание подзаголовка, сообщающего, что перед нами книга о том, «как мы разбогатели — и лишились независимости» (*“how we made money and lost our liberty”*). На самом же деле «Свобода на продажу» — это своеобразный политэкономический травелог, серия очерков, объединенных проблематикой кризиса либеральной демократии вообще — и в первую очередь кризиса, как представляется, ценностного. При этом необходимо сказать, что Кампфнер настроен в целом куда более пролиберально, чем можно было бы ожидать от бывшего главного редактора *New Statesman*, и нигде не пытается пользоваться готовыми идеологическими конструктами, обладающими стопроцентной объяснительной и близкой к нулевой эвристической ценностью, — вроде обычного в таких случаях «неолиберализма».

Он скрупулезно собирает и добросовестно представляет читателю материал для самостоятельного размышления, — так, скажем, в случае России интересно было бы подумать о том, насколько размывание легитимности нынешнего режима обусловлено тем, что он оказался не способным сохранить в неприкосновенности автономную зону личных, частных свобод, наличие которой, по Кампфнеру, является одним из базовых условий стабильного существования авторитаризма нового типа. Однако «Свобода на продажу» посвящена по большей части периоду, завершившемуся кризисом 2008 года.

Ее появление на русском языке представляет тем более своевременным, что без понимания того, что «путинская стабильность» была не локальным явлением, заключенным в границы Российской Федерации, а частью глобальных процессов, наши возможности отрефлексировать произошедшее оказались бы существенно сужены. Книга Кампфнера,

описательная функция которой заметно преобладает над рефлексивной, для русского читателя тем не менее восполняет важный пробел — не говоря уж о том, что на более чем четырехстах ее страницах содержится множество любопытных фактов, наблюдений, историй. ■

МАРТЫН ГАНИН

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Hayek F. A. The Road to Serfdom.* Routledge Press, 1944.

² *Kampfner J. Inside Yeltsin's Russia: Corruption, Conflict, Capitalism.* Cassell Illustrated, 1994.